

8. Колесин И. Д. Подходы к изучению социокультурных процессов / Социологические исследования. 1999. № 1. С. 130–136.

9. Сагатовский В. Н. Диалог культур и «русская идея» // Возрождение культуры России. Диалог культур и межнациональные отношения. СПб.: Знание, 1996. Вып. 4. С. 14–22.

10. Сепир Э. Язык, раса, культура // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.

11. Шарина И. С. Понятие «диалог культур» и образовательный процесс // Инновации и образование: сб. материалов конфер. Сер.: Symposium. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. Вып. 29. С. 511–514.

12. Яценко Е. А. Восток и Запад: взаимодействие культур // Культура в современном мире: Опыт. Проблемы. Решения. М.: Мысль, 1999. Вып. 6. С. 32–37.

CULTURAL DIALOGUE RUSSIA – CHECHNYA AS A BASIS FOR SUCCESSFUL DEVELOPMENT OF THE TWO NATIONS

ARSALIYEV Shavadi M-X., Dr. Sci. (General Pedagogics, and History of Education), Prof., Dean, Faculty of History, Chechen State University, Grozny, Russia
E-mail: shavadi@inbox.ru

The author examines the dialogue between cultures as a philosophical and cultural-historical concept, focuses on the features of the modern dialogue between cultures as a social phenomenon in the information society, analyzes the historical roots of the cultural dialogue between Russia and Chechnya. The article pointed out that that the key to the dialogue of cultures is to build a unified multicultural environment while maintaining national and cultural identity of each of the peoples.

Keywords: culture, dialogue, multicultural space, cultural identity, Russian culture, Chechen culture.

С. Н. Астапов*

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ, КОНСЕРВАЦИЯ, АРХАИЗАЦИЯ

В статье рассматриваются способы социокультурной адаптации религиозных традиций в условиях глобализации как этнорелигиозных синкретических образований, которые являются традиционными для народов России, воспринимаются и осознаются как основной маркер национальной идентич-

* АСТАПОВ Сергей Николаевич, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии религии и религиоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия. Электронная почта: seastapov@yandex.ru.

ности. Выделяются три способа: модернизация, консервация и архаизация. В докладе утверждается, что они образуют противоречивое единство, и пре-валирование одного над другим незначительно.

Ключевые слова: религиозная традиция, модернизация, консервация, архаизация, адаптация, фундаментализм.

В эпоху глобализации религиозные традиции, как и все традиции, испытывают значительные трансформации, причем настолько значительные и частые, что возникает вопрос о том, насколько стабильны и долговременны их содержательные характеристики, иначе говоря, насколько они сохраняют свою сущность: быть процессом и способом социально-культурного наследования. Обычаи и обряды – ведущие элементы традиционной культуры – в современной культуре играют не очень заметную роль. Трансляция идей, ценностей, норм и прочих элементов культуры, ранее осуществлявшаяся исключительно через традиции, в экономической, политической, правовой и ряде других сфер индустриального общества стала осуществляться по иным каналам. В постиндустриальном обществе с его развитой сферой средств массовой информации традиции сохраняются исключительно как механизмы наследования своеобразия (этнического, регионального, семейного и т.п.).

В индустриальном обществе удельный вес традиций достигал максимума именно в религии. Религию даже называли основным реликтом традиционного общества, поскольку и социальные идеалы, и социальные регуляторы, и способы передачи ценностей этого общества религия сохраняла в неизменном виде. Этого следовало бы ожидать и в современном глобализирующемся обществе – хотя бы потому, что религиозное сознание с его ориентацией на абсолютные истины консервативно по своей природе, религиозный культ основан на ритуалах, то есть на строго регламентированных совокупностях стереотипных, клишированных действий. Коммуникации внутри религиозных общин строятся по модели семейных отношений традиционного общества (братья и сестры, отец – чадо и т.п.). Иначе говоря, складывается представление, что религии консервируют то социальное наследие, которое сложилось в традиционном (средневековом) обществе, и транслируют его в современную культуру, тем самым, выступая мощной силой противостоящей процессам глобализации.

Однако такое представление является далеко не верным. Во-первых, потому, что новоевропейская культура вытеснила религию в область частной жизни, лишив ее роли основного

механизма социального наследования. Функциональная дифференциация общества в Новое время, разрушившая универсализм религии как традиции, превратившая религию в сферу особого рода отношений – отношений с Богом, а затем провозгласившая эти отношения частным делом индивида, а также научно-технический прогресс, породивший «веру в науку», и либерализм, сделавший акцент на правах и свободах человека как индивида, превратили религию в предмет индивидуального выбора и даже породили феномен внеконфессиональной религиозности.

Во-вторых, религии консервируют то социальное наследие, которое было характерно для эпохи их формирования. Поэтому ценности традиционной культуры несут только те религии, которые сформировались в традиционном обществе. Но наряду с ними существуют новые религиозные движения, возникшие во второй половине XX в. Их еще называют нетрадиционными религиями, тем самым, фиксируя отсутствие у них связей с какой-либо определенной религиозной традицией. Наконец, мировые религии, в силу их космополитического заряда, в целом не вступают в противоречие с процессами глобализации; наоборот эта ситуация служит одним из факторов их возрождения, хотя и в трансформированном виде. Неслучайно западные авторы говорят о XXI в. как эпохе постсекуляризма [2].

Исходя из этого, исследование религиозных традиций в современном мире должно учитывать конкретно-исторические условия существования той или иной религии. Разумеется, на Земле есть еще этносы, сохраняющие традиционный уклад жизни; и для них религиозные традиции, сплетенные с другими обычаями и мифами, играют определяющую роль. Но к нашей стране это не относится. Россия – часть пространства глобализирующейся культуры. Если вести речь о религиозных традициях народов России, то нужно рассматривать этнорелигиозный синкретизм как явление, вступающее в противоречие с глобализацией, и, наряду с ним, синкретизм культурных образований в сфере так называемых новых религий, который оформляется в некую «традицию нетрадиционности». Целью данного доклада является рассмотрение способов социокультурной адаптации религиозных традиций в условиях глобализации как этнорелигиозных синкретических образований, которые являются традиционными для народов России, воспринимаются и осознаются как основной маркер национальной идентичности. На наш взгляд, можно выделить три способа

данной адаптации. Причем в современных религиозных традициях они задействованы в своей совокупности, так, что речь может быть только о некотором превалировании одного из них над остальными, но не о его исключительной роли.

Первый способ – это модернизация. Несмотря на то, что в целом модернизация является антиподом традиционности и деструктивна в отношении традиционной культуры, последняя, в том случае, если модернизация осуществляется не насильственно, не является резким «цивилизационным подтягиванием», не выступает в виде явной вестернизации, вырабатывает в себе некий адаптационный ресурс, позволяющий «осовременить» традицию, сохраняя ее содержание по сути неизменным. Можно сказать, что модернизация общества неизбежно приводит либо к модернизации религии, то есть к трансформационным процессам в религиозной системе, соответствующим социальным изменениям, либо к адаптации религии по отношению к изменившимся социальным условиям. Трансформационные процессы в религии, связанные с модернизацией, сопровождаются кардинальными изменениями в религиозном сознании, что на его теоретическом уровне находит выражение в концепциях религиозного модернизма (ярким примером в истории русского православия может служить обновленчество, а в исламе – джадидизм), которые соответствуют духу глобализирующегося общества и принимаются (за исключением некоторых наиболее радикальных форм и проявлений) этим обществом. Адаптивное религиозное сознание отражается на теоретическом уровне религиозного сознания в концепциях традиционализма, на обыденном – в минимизации, но не отрицании значимости тех вероучительных принципов, которые вступают в конфликт с новыми условиями социальной жизни, а также в акцентуации тех сторон вероучения, которые согласуются с данными условиями.

Адаптационные процессы по типу «мягкой» модернизации в религиозной системе возможны, если сохраняется сложившаяся прежде социальная структура данной религии. Ее разрушение и, тем более, разрушение традиционных для данной религии форм и типов организации приводит не к адаптации, а к модернизации религиозной системы или конфронтации с процессами модернизации.

Религиозные традиции по-разному выражаются в религиозных организациях малых поселений и мегаполисов. Религиозные общины сел и малых городов объединяют людей, вырос-

ших в одинаковых культурных условиях. Каждый член такой общины не просто знаком с другими членами, но общается с ними во внекультовой сфере, знает об условиях их жизни, родственниках и прочем. В данном случае религия лишь усиливает социальную сплоченность, корни которой находятся вне религии. Во-вторых, жизненный уклад сельских общин ближе (по сравнению с городскими) к традиционному обществу, в условиях которого сформировалась религия. Поэтому жители малых поселений более инертны кразного рода проповедникам, обличителям неверных, сторонникам обновленчества и т.п.

В религиозных общинах мегаполисов интеграция верующих осуществляется, прежде всего, самой религией. Принадлежность к общине единоверцев – ведущий интеграционно-сегрегационный фактор личностного позиционирования и самосознания. Иначе говоря, для личности жителя большого города (как правило, поликонфессионального) осознавать себя мусульманином, православным, баптистом, католиком, буддистом и т.д. важнее, чем для личности жителя малого поселения. Отсюда и больший интерес к доктринальной стороне религии, а также стремление найти объяснение несоответствия реалий социальной жизни религиозной доктрине. Именно в религиозных объединениях больших городов стала заметной тенденция к самостоятельному обращению индивидов к священным писаниям тех или иных религий для определения норм своего поведения.

Главным адаптационным ресурсом религиозной традиции по типу консервации является культовая деятельность. Это обстоятельство вызывает критику приверженцев этно-религиозных традиций со стороны модернистов за обрядоверие. Обрядово-ритуальная трансляция стереотипов и норм оказывается более устойчивой по сравнению с другими формами трансляции социального опыта. За годы Советской власти образовались серьезные концептуальные лакуны в религиозном сознании российских верующих, но культ, ставший основой этно-конфессиональной идентичности, сохранял саму религию. Но сохранял именно в варианте традиционной или «народной» религии, то есть формы религии, «сниженной» за счет включения гетерогенных элементов, иногда произвольно отступающей от ортодоксальной религиозной доктрины.

Можно сказать, что консервацию религиозных традиций обеспечивают, прежде всего, культ, поскольку он основан на совершении ритуальных действий, и религиозные догматы, то есть

вероучительные положения, не допускающие своего пересмотра без разрушения конфессиональной доктрины как таковой. Но и сами религиозные традиции, облекая конфессиональное сознание в этнические формы, консервируют его как фактор этнической, субэтнической или групповой идентичности. Религиозные обряды становятся обрядами жизненного цикла (связанными с рождением ребенка, переходом в иную возрастную группу, созданием семьи, смертью и погребением). У всех народов они имеют синкретический характер, поскольку помимо конфессиональной составляющей включают и элементы языческих представлений, магии. Тем не менее в целом они воспринимаются и осознаются как конфессиональные, причем не только теми, кто их совершает, но и теми, кто сознательно их не совершает, позиционируя себя не принадлежащим к данной конфессии.

Традиционная религия связана с национальным самосознанием, этнической самоидентификацией, патриотизмом (в изначальном смысле этого слова – любовью к земле и обычаям предков) – теми ментальными структурами, которые социальная модернизация непосредственно не затрагивает. Народная религия обладает глубокой культурно-исторической памятью, которая противостоит попыткам внедрить чуждые, заимствованные извне образцы модели поведения и цивилизационные матрицы. Память традиции – это не универсальная информация, отчужденная от индивида и опредмеченная в виде книг и файлов, а предания, легенды, мифы. Если для традиционного общества непосредственность такой информации обеспечивалась традицией устной передачи, то в современном мире она, на первый взгляд, отсутствует. Но именно глобализирующаяся культура, в которой повсеместны СМИ, легко доступны каналы электронной коммуникации, дает «второе дыхание» этно-религиозным мифам. В силу того, что патриотизм является, кроме разных прочих его аспектов, элементом государственной идеологии, репродуцирование этих мифов не встречает препятствий. Российскому государству необходим именно консервативный заряд религиозных традиций, направленный на стабилизацию общественных отношений. Героизация и мистификация переводят исторические феномены в мифо-парадигмальный план, то есть план, служащий образцом для подражания и устойчивый (в силу иррациональной природы мифа) по отношению к критике, пересмотру, переоценке, дискриминации, осмеянию и всему прочему из набора средств, которыми через СМИ пользуются радикал-реформаторы.

Но мифологизация и связанная с нею иррационализация этоса, – это признаки архаизации. Архаизация как таковая и представляет собой возвращение к древнейшим формам освоения действительности, основанное на мифологическом сознании. Ярким проявлением процессов архаизации в сфере религиозных традиций является их фундаментализация. Как и консервация, архаизация является антиподом модернизации, но между консервацией и архаизацией как способами адаптации традиции имеется коренное различие. Консервация представляет антитезу модернизации как культурное сопротивление новому тому, что сложилось, что модернистское сознание считает устаревшим, требующим изменения или оставления в прошлом. Архаизация требует возвращения в традиционное прошлое, поскольку модернизированное или модернизирующееся настоящее уже произвело такие культурные феномены, которые воспринимаются некоторой частью общества как угроза сохранению конфессиональной, национальной, гендерной и прочим идентичностям. Таким образом, консервация стремится сохранить то, что есть, а архаизация стремится возродить то, что было.

Специфической чертой консервации выступают ее попытки удержать наличные формы именно этнической культуры. Архаизация, особенно в форме фундаментализма, противопоставляет им, чаще всего, архаичные, изжитые, забытые этнокультурные формы, в редких случаях – некие знаковые для конфессии, но этнически чуждые культурные формы. Примером может служить ориентация среди исламских фундаменталистов на культуру Саудовской Аравии или Пакистана – стран, из духовных учебных заведений которых выходят активные фундаменталисты-ваххабиты, – в том числе в ее бытовых моментах. В этом смысле архаизация противостоит консервации как реформистская программа, поскольку ратует не за сохранение сложившихся устоев, а за их изменение. Консервация же не предполагает никаких реформ: ни по осовремениванию, ни по движению вспять, она усматривает во всяком движении почву для смятений и расколов, а в стойком хранении религиозно-этнической традиции – залог крепости устоев и порядка.

Фундаментализм воинственен в своем отстаивании «традиции». Воинствующий характер фундаментализма обусловлен его нонконформизмом и антиформализмом, радикальным неприятием современности. Именно в этом коренится его связь с религиозно-политическим экстремизмом. Но он отстаивает не

реальную и даже не историческую традицию, а мифологизированную или, по крайней мере, идеализированную, то есть, по сути дела, даже не охраняет, а конструирует ее в качестве социального идеала. Реальная традиция допустила модернизацию, а значит, с точки зрения фундаменталистов, она не может быть не только сакрализована, но и принята как «наименьшее из зол» по сравнению с современной глобализирующейся культурой. Поскольку фундаментализм профанирует традицию, старейшие представители общества (носители традиционной культуры) не могут восприниматься фундаменталистами в качестве авторитетов. Сакрализуется «традиция до традиции»: апостольская община у фундаменталистов-протестантов, институт Церкви до «Авиньонского пленения» у католиков, «византизм» у православных, умма Пророка у мусульман и т.п. Поэтому можно сказать, что фундаментализм, ориентируясь на традицию, идеалы усматривает в более архаичной эпохе.

Одной из черт архаизации является восприятие социальной действительности в жесткой дуальной схеме, в которой свои, добро, истина, вера противостоят чужим (врагам), злу, лжи, неверию. При этом в стане «чужих» может оказаться кто угодно, но прежде всего те, кто разделяет ценности либерализма.

Близким этой черте является трайболистское сознание, когда включенность в одно сообщество воспринимается почти как кровное родство в племени и, в то же время, как необходимость противостоять другим сообществам. В сфере религиозных отношений это проявляется наиболее отчетливо, поскольку религия выполняет интеграционно-сегрегационную функцию в обществе, объединяя единоверцев и разъединяя представителей разных конфессий.

Процессы глобализации сами служат одним из факторов архаизации сознания, религиозного в особенности, поскольку оно синкретично, и в этом синкретизме есть место и мифу, и мистицизму, и магии. Тиражирование в массовой культуре упрощенных сюжетов и схем межличностных отношений, нивелирование культурного разнообразия в «универсальных» продуктах, которые с равным успехом находят своего потребителя в разных странах, а вместе с тем свобода, простота и многообразие дистантных форм коммуникации, дарованные Интернетом и мобильной связью, порождают ситуацию не востребоваемости сложных форм социальной медиации, культурных кодов и возрождают архаичную инверсию – логику метания между полюсами дуальной оппозиции [1].

Однако следует еще раз подчеркнуть, что в сфере религиозных традиций механизмы модернизации, консервации, архаизации образуют противоречивое единство. Один без другого в традиции невозможен, и превалирование одного над другим оказывается в реальности незначительным. Если же возникает ситуация явного доминирования одного из них, то традиция перестает существовать. Так, доминирование модернизации приводит к существенным трансформациям догматического сознания и разрушает конфессиональную традицию. Архаизация зовет к далекому парадигмальному *illudtempus* (М. Элиаде), воскрешает отдельные элементы архаичной культуры, но к доминированию в религиозной традиции не имеет силы, поскольку существующие религиозные традиции в свое время уже изжили архаичные религии и имеют по отношению к ним отрицательный заряд. Доминирование консервации привело бы традицию к стагнации, нарушению адаптационных процессов, затем к реформированию по типу архаизации. В результате этого произошел бы выход из рамок конфессиональной традиции в виде ереси, секты или самочиния (если использовать христианскую терминологию). Глобализирующаяся культура, с одной стороны, делает комбинацию этих трех механизмов адаптации религиозных традиций весьма динамичной, что служит свидетельством адаптационного ресурса традиции, но, с другой стороны, вызывает радикализацию некоторых религиозных групп.

Использованная литература:

1. Ахиезер А. С. Социокультурная динамика России. К методологии исследования. [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России: электронная научная библиотека. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1991-5-5-Achiezer.pdf> (дата обращения: 21.11.13).
2. Хабермас Ю. «Постсекулярное» общество – что это? // Российская философская газета. 2008. №№ 4 (18), 5(19).

THE RELIGIOUS TRADITIONS IN THE GLOBALIZATION CONDITIONS: MODERNIZATION, CONSERVATION, ARCHAIZATION

ASTAPOV Sergey N., Dr. Sci. (Philosophy of the Religion
and Religious Studies),
Head, Department of Philosophy of the Religion and Religious Studies,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: seastapov@yandex.ru

The paper is aimed at researching the social and cultural adaptation ways of the religious traditions in the globalization conditions. The religious traditions are offered as the ethnic and religious syncretic formations, which are the traditional formations for the peoples of Russia, recognized as the main marker of national identity. There are three ways distinguished in the paper: modernization, conservation, archaization. They form a contradictional unity, with one of them slightly prevailing the other.

Keywords: *religious tradition, modernization, conservation, archaization, adaptation, fundamentalism.*

О. Р. Тучина*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ КУБАНИ)**

В статье рассматривается проблема традиционных этнических ценностей в период глобализации. Приводятся результаты исследования этнического самосознания молодежи Кубани. На основании результатов исследования автор делает вывод, что этнокультурные традиции оказывают существенное влияние на формирование представлений молодежи Кубани о нормативных национальных образцах, однако в процессе самопонимания этнокультурной идентичности происходит коррекция данных образцов в соответствии с представлениями о реальной действительности.

Ключевые слова: *этническая культура; этнокультурная традиция; глобализация; самопонимание этнокультурной идентичности.*

Глобализация с разной степенью интенсивности охватывает практически все сферы общественной жизни: экономику, политику, образование, международные отношения, культуру в целом. Общеизвестны фундаментальные проблемы, порожденные процессом глобализации, которые подрывают исторически сложившиеся национально-культурные традиции, вносят свои коррективы в национально-культурную самобытность и социокультурное ядро народов. Кроме того, под влиянием глобализации происходит внутренняя трансформация обществ, сопровождающаяся кризисом идентичности.

Этнокультурная идентичность является одним из ответов на вопрос «Кто Я?». При этом осмысление факта своей этнокультурной принадлежности разворачивается в напряжение

* ТУЧИНА Оксана Роальдовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, Россия Электронная почта: tuchena@yandex.ru.

** Исследование выполнено в рамках реализации госзадания № 10.7079.2013 «Исследование мотивации и разработка системы стимулов формирования толерантности студенческой молодежи».